

## ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХОТНИЧЬЕГО ПРОМЫСЛА В РОССИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX в.

Рассматриваются законодательные и организационные меры, направленные на обеспечение охотничьего промысла в Сибири. Автор отмечает, что за многовековую историю промысла в Сибири, имевшего важное значение как для государства, так и для населения, правительство не смогло обеспечить рационального использования промысловых охотничьих ресурсов страны. До 1892 г. в России не было общего закона, регулировавшего производство охоты, но на Сибирь он не распространялся. Только закон 1912 г. запрещал охоту на соболя во всей стране.

**Ключевые слова:** охотничий промысел; ясак; промысловая охота; пушной промысел.

Необходимость регулирования охотничьего промысла в России приобрела актуальность после присоединения Сибири, когда феодальное государство объявило себя собственником вновь приобретенных земель и обязало местные племена уплачивать в казну ясак, состоявший из шкур ценных пушных зверей.

В связи с этим государство стремилось оградить сибирские земли от захвата частными лицами и пыталось монополизировать торговлю наиболее ценными видами пушного товара. Однако в результате интенсивного истребления зверей промышленниками, массовой скупки у промыслового населения мехов, злоупотреблений воевод и служилых людей поступление ясака в казну стало неуклонно падать, что не могло не обеспокоить правительство. В 1763 г. для упорядочения ясачного сбора в Сибирь была направлена комиссия под командованием секунд-майора А. Щербачева, получившая название «Первая ясачная комиссия».

В результате своей деятельности комиссия внесла некоторые изменения в порядок обложения и сбора ясачной подати. Если в 1760-х гг. практиковалось индивидуальное обложение, то комиссия переобложила каждую волость в целом, установив лишь общее количество плательщиков и сумму ясачного оклада. Право собирать ясак с отдельных плательщиков и сдавать его в казну было возложено на местную знать.

Для поддержания платежеспособности ясачного населения 10 июля 1763 г. был издан указ, запрещающий охоту в стране ежегодно в период с 1 марта по 29 июня [1]. Этим указом правительство надеялось ограничить массовое истребление зверя в весенне-летний период, когда появлялся молодняк, и его добыча наносила значительный ущерб пушным запасам Сибири. Но объективно положительный характер этого указа не соответствовал естественным особенностям отдельных регионов и не учитывал экономических и бытовых особенностей населявших Россию народов. Сибирские губернаторы сообщали, что местные народы «не имеют другого пропитания, как только весенним временем налетевших в бесчисленном множестве всяких птиц и по заливным островам зверей бить и тем на год питание себе заготавливать» [2. С. 4]. В 1827 г., отмечая ухудшение положения сибирских охотников в связи с запрещением весенне-летней охоты, Сибирский комитет подал прошение на имя царя, в котором обосновывалась необходимость разрешения охоты для аборигенного населения круг-

лый год [3]. В этих условиях правительство было вынуждено отменить закон от 10 июля 1763 г. и разрешить охоту в Сибири без какого-либо ограничения по временам года [2. С. 4].

Ряд положений, касавшихся промысловой охоты коренных жителей Сибири и торговли продуктами промысла, нашел отражение в «Уставе об управлении инородцев» 1822 г. (далее – Устав). Согласно его положениям все сибирские народы делились на три категории: «оседлые», «кочевые» и «бродячие». «Кочевые» и «бродячие» «инородцы» по-прежнему обязывались к уплате ясака. Царское правительство, стремясь обеспечить своевременное поступление ясака в казну, предприняло некоторые меры, ограждавшие охотников от торгово-ростовщической эксплуатации. По Уставу 1822 г. запрещался самовольный захват владений, отведенных в пользование коренному населению. Должностным лицам строго запрещалось производить частную торговлю с сибирскими народами или быть посредниками при торговых сделках между русскими и аборигенами [4. § 48, 49].

Для уменьшения зависимости «инородцев» от скупщиков пушнины, которые, пользуясь отсутствием конкуренции и невежеством охотничьей массы, взвинчивали цены на необходимые продукты и тем самым закабаляли промысловиков, Устав предусматривал введение казенной торговли. В районах проживания коренного населения учреждались казенные хлебозапасные магазины, которые должны были обеспечить: «1) доставление необходимого пособия по продовольствию и промыслам кочующих; 2) умерение вольных цен на необходимые потребности» [Там же. § 270]. В крайних случаях при угрозе голода Устав предусматривал продажу казенных товаров по сниженным ценам и в долг, под ответственность местного управления [Там же. § 277, 278].

В то же время Устав не содержал гарантий по охране промысловых угодий аборигенов. Во-первых, не было проведено землеустройство, которое могло бы сохранить за сибирскими народами их территории, владение землей не было оформлено документально; во-вторых, сам Устав открывал лазейку для предпринимателей, разрешая брать угодья в аренду «по условиям с обществом»; в-третьих, реальных мер против самовольного захвата земель коренного населения Устав не предусматривал. Этим тотчас же воспользовались русские охотники. По свидетельству

Ю.А. Гагемейстера, «русские промышленники наносят у них (аборигенов. – А.С.) леса на 5–10 лет за самую ничтожную плату с разными ухищрениями; так, например, они не считают годов бедного улова и, в таком случае, оставляют за собой заоброченные участки на срок продолжительнее условленного» [5. С. 263]. В вопросе о казенных продажах Устав, подчеркивая, что они должны способствовать «умерению вольных цен», здесь же отмечал, что они «ни в коем случае не должны делать ни малейшего стеснения частным лицам», и что «все сии вещи (хлеб, соль, порох, свинец. – А.С.) могут привозить и продавать частные лица, право торговли имеющие» [4. § 271, 273].

Такая непоследовательность Устава 1822 г. отражала противоречия между правительственной политикой консервации социальных отношений, хозяйства и быта аборигенов, которая проводилась со времен присоединения Сибири и реальными социально-экономическими условиями, отражавшими процесс разложения патриархально-родовых отношений северных племен. «Реальные процессы, – отмечала Н.А. Миненко, – происходившие обыкновенно помимо желания властей, нередко заставляли изменять главному направлению своих устремлений по отношению к аборигенам и даже поступать вопреки ему» [6. С. 230].

В середине XIX столетия правительством Александра II была предпринята попытка упорядочить охотничье законодательство путем создания единого, общего закона об охоте. В 1858 г. Министерством внутренних дел был представлен на законодательное утверждение «Проект правил об охоте», составленный под руководством министра внутренних дел П.А. Валуева. Однако как этот проект, так и внесенные тем же Министерством за период с 1867 по 1887 г. четыре других проекта не получили утверждения «вследствие недостаточности их» [7. С. 104].

В 1887 г. последовало «высочайшее повеление» царя о возобновлении работ по созданию закона об охоте. К 1891 г. Министерством земледелия и государственных имуществ такой проект был, наконец, разработан и внесен на утверждение в Государственный совет. После рассмотрения его Государственным советом проект был одобрен и подписан царем и с 3 февраля 1892 г. приобрел силу закона, впервые в истории страны содержащего свод правил об охоте.

Несмотря на то что в разработке проекта принимали участие несколько министерств и ведомств и его подготовка длилась почти полвека, закон 3 февраля имел много недостатков. Сама его основа не являлась научной. Например, устанавливался единый срок охоты на уток. Получалось, что период размножения дичи, когда она больше всего нуждалась в охране, происходил в те же календарные сроки в Крыму и в Архангельской губернии, в Средней Азии и в Сибири. Разрешая круглый год охоту на хищных зверей, закон причислял к ним горностаю, песца и белку. Естественно, что при таких условиях возможность истребления этих видов была наиболее вероятна. Но главным недостатком закона 3 февраля 1892 г. было то, что он не распространялся на Сибирь – основной промысловый

район страны – и фактически не касался промысловой добычи зверя. Хотя законодатели считали, что «уже наступило время принять меры к сбережению тех богатств, которые доставляет нам Сибирь», тем не менее этот вопрос в период подготовки закона 3 февраля правительством не обсуждался [8. С. 4]. В Сибири охота регулировалась положениями «Устава сельского хозяйства» и «Устава лесного». В ст. 263 сельскохозяйственного Устава подчеркивалось, что «зверинные промыслы в Сибири не подлежат никакому ограничению в отношении по времени года» [9. С. 40–41]. Производство охоты коренными жителями Сибири было подчинено правовым нормам Устава 1822 г. Охота на казенных землях разрешалась в порядке, установленном для отдачи оброчных статей в арендное содержание или по дозволильным билетам [10. С. 57]. Таким образом, единственный в истории страны закон об охоте не касался местностей, которые наиболее нуждались в регулировании промысла.

О неудовлетворительности правил 3 февраля 1892 г. и об их несоответствии требованиям различных местностей империи свидетельствовал целый ряд заявлений, поступивших в Министерство государственных имуществ от охотничьих обществ, учреждений и частных лиц. Уже в 1892 г. в Департамент земледелия поступила записка Томского общества правильной охоты, в которой говорилось о желательности распространения закона на Томскую губернию [11]. О необходимости введения закона об охоте в Сибири писал тобольский губернатор, указывая, что хищнические приемы охоты вызывают прогрессирующее уменьшение ценных пушных зверей, и это весьма существенно в ближайшем будущем может отразиться на благосостоянии населения северных уездов губернии, живущих почти исключительно охотничьим промыслом [12].

Очевидные недостатки закона 3 февраля заставили правительство продолжить работу по законодательному регулированию охоты в России, и уже в 1897 г. была образована «Особая комиссия по пересмотру закона об охоте 3 февраля 1892 года» под председательством великого князя Сергея Михайловича.

Эта комиссия состояла из 15 постоянных членов, в число которых, помимо назначенных царем сановников, вошли известные специалисты по охоте Л.П. Сабанеев, А.А. Силантьев, Н.В. Туркин [13]. Работа комиссии продолжалась с 1897 по 1908 г., в результате чего был составлен «Проект правил об охоте». Как свидетельствуют материалы комиссии, проблемы промысловой охоты занимали явно второстепенное место по сравнению с другими вопросами [14]. Определяя главные направления работы, товарищ председателя «Особой комиссии» егермейстер двора М.В. Андриевский писал: «Главным образом обратить внимание на меры к поднятию нашего скорняжного дела и упорядочению тарифных ставок на пушной товар» [15].

Проект предусматривал распространение действия нового закона на всю территорию империи, однако для промысловых районов могли быть приняты особые постановления, утверждаемые министром внутренних дел [16]. Для производства промысла необхо-

димо было иметь разрешение, выдаваемое местной администрацией за особую плату (для «кочевых» и «бродячих» «инородцев» такого разрешения не требовалось). Н.В. Туркин предлагал освобождавать от платы не только коренное население, но и крестьян в промысловых районах в случае неурожая, однако этот вопрос решено было передать в ведение местной администрации [17. Л. 260].

Признавая необходимость борьбы с хищническим истреблением зверя, «Особая комиссия» считала главной причиной этого явления деятельность купцов и скупщиков пушнины, закабальявших промысловое население и заставлявших охотников добывать максимально возможное количество шкурок. Однако член комиссии князь С.П. Урусов, подробно исследовавший этот вопрос, пришел к выводу о том, что деятельность скупщиков и разъездных торговцев в Сибири являлась необходимой. Для устранения хищничества торговцев, по его мнению, необходимо было улучшить пути сообщения, распространить грамотность в среде «инородцев», учредить ярмарки в районах промысла и т.д. [18].

Другой член комиссии В. Шильдер считал, что независимость охотников от скупщиков пушнины может обеспечить регулярное, правильное снабжение промысловиков оружием и боеприпасами из казенных магазинов. Он писал, что «это сразу сделает страшный подрыв скупщикам дичи и пушного товара, снабжающих промышленников порохом, цена его чуть ли не на вес золота, и тем самым вынуждающих промышленников ограничивать применение огнестрельного оружия» [17. Л. 141].

Наибольшее внимание комиссия, судя по регламенту ее работы и документальным материалам, уделяла выработке правовых норм, регулировавших любительскую, спортивную охоту. Для решения этого вопроса рассматривались многочисленные записки членов комиссии: «О праве зверя, перешедшего в чужие владения», «Проект устава нормального охотничьего общества» Н.В. Туркина, «К вопросу об охотничьем оружии и охотничьем порохе» В. Шильдера и пр. [Там же. Л. 132, 144, 170–182, 260–261].

Таким образом, многолетняя деятельность комиссии по выработке нового охотничьего закона, который должен был регулировать как промысловую, так и любительскую охоту, не оправдала надежд. Главный вопрос о прекращении хищничества в пушном промысле и о создании рационального охотничьего хозяйства законодателями практически обходился. Правительство не могло ограничить деятельность предпринимателей, не ухудшая и без того незавидное положение сибирских охотников-аборигенов. Торгово-ростовщический капитал, несмотря на эксплуатацию промыслового населения, оставался практически единственным источником, который доставлял «инородцам» товары, необходимые для существования и для производства промысла. Казенная торговля была организована плохо и не играла заметной роли в поставках охотникам продуктов питания и промыслового снаряжения. Вопрос об улучшении казенных поставок законодателями всерьез не обсуждался и в

представленном проекте полностью игнорировался. Таким образом, новый проект не разрешал важнейших проблем охотничьего, прежде всего пушного, промысла и не мог оказать существенного практического значения для создания в стране рационального охотничьего хозяйства.

В 1912 г. «Проект закона об охоте» был представлен в Государственную думу, но не получил ее одобрения. Относясь к охоте как к забаве, проект, по сути, игнорировал охоту как важный промысел и не только не учитывал интересы широкой охотничьей массы, но по-прежнему ущемлял промысловиков. Отвергнутый проект пролежал под сукном Государственной думы вплоть до 1917 г. [19. С. 6].

Прогрессирующее сокращение ценного пушного зверя в начале XX в., бесплодность попыток правительства выработать проект закона об охоте вызвали озабоченность в кругах крупных торговцев пушниной. В 1910 г. на заседании Ирбитского ярмарочного комитета было принято решение созвать совещание пушноторговцев и всех заинтересованных лиц с целью обсуждения вопроса о состоянии сибирского пушного промысла и о мерах, направленных на сохранение поголовья ценного зверя [20. Л. 28].

В совещании, состоявшемся 7 февраля 1910 г., приняли участие 36 человек, в большинстве своем торговцы пушниной, приехавшие на ярмарку. С докладом о состоянии сибирского пушного промысла и о его насущных задачах выступил крупный иркутский пушноторговец И.И. Силин. Констатируя сокращение добычи в Сибири ценных видов пушных зверей, в первую очередь соболя, он заявил, что это происходит «только в силу необузданной наживы промышленников, в силу бесконтрольности промысла» [21]. Чтобы прекратить уничтожение запасов ценного зверя, И.И. Силин предложил приостановить добычу соболя на двухлетний срок и запретить торговцам покупать в этот период его шкурки под угрозой крупных штрафов. Несмотря на несогласие некоторых торговцев, после обмена мнениями большинство предпринимателей поддержало предложение докладчика о необходимости установления в Сибири запретных сроков охоты на пушного зверя в течение весенних и летних месяцев и полном запрещении добычи соболя в течение двух лет. Совещание поручило ярмарочному комитету обратиться с этим предложением в Министерство торговли и промышленности [20. Л. 93].

Несмотря на очевидную необходимость принятия экстренных мер по охране промысловых животных и регулирования пушного промысла, правительство не спешило проводить в жизнь предложения сибирских пушноторговцев. В 1911 г. на Ирбитской ярмарке вновь состоялось совещание торговцев пушниной, постановившее возбудить новое ходатайство о скорейшем принятии мер, ограничивавших хищнический промысел. Ярмарочным комитетом были подготовлены и разосланы письма Председателю Совета министров, министрам финансов, торговли и промышленности, депутатам Государственной думы, биржевым комитетам, сибирским губернаторам с просьбой оказать максимальное содействие в решении вопроса о

регулировании охоты и особенно об охране соболя [22. Л. 92]. В частности, в письме на имя томского губернатора отмечалось, что вопрос о запрещении охоты на соболя требует максимально быстрого разрешения. В противном случае, указывалось в письме, «соболя не останется в Сибири, и охранять будет некого, и угрожающее пока явление исчезновения зверя осуществится фактически» [23].

Несмотря на значительную работу, проведенную ярмарочным комитетом, и реальную опасность полного уничтожения соболя, вопрос об издании особого закона решался крайне медленно. В марте 1911 г. депутат Государственной думы от Забайкальской области Волков сообщал в Ирбит, что «вопрос о соболе будет поднят, хотя мало надежды, что правительство согласится выработать особый закон» [22. Л. 107].

Наконец, после долгих проволочек, Главное управление земледелия и землеустройства приняло решение внести на рассмотрение Государственной думы проект, предусматривающий запрещение охоты на соболя в Сибири в период с 1 февраля по 15 октября, причем Главному управлению предоставлялось право полного запрещения соболиного промысла на срок до 3 лет. После многочисленных обсуждений и согласований, которые длились еще более года, был принят «Закон об установлении ограничительных по охоте на соболя мер» от 9 июня 1912 г. По этому закону запрещалась охота на соболя в период с 1 февраля 1913 г. по 15 февраля

1916 г., а по истечении указанного срока – ежегодно с 1 февраля по 15 октября [24, 25]. Кроме того, Департаментом земледелия было сделано распоряжение о собирании материалов, касающихся распространения соболя, его биологии, способов добычи и т.д. К концу запретного срока предполагалось издать фундаментальный научный труд, посвященный соболю [26]. Помимо этого, стали собирать сведения о лицах, занимавшихся разведением пушных зверей в неволе [27]. 30 октября 1916 г. впервые в истории русского охотничьего хозяйства была выпущена директива «Об установлении правил об охотничьих заповедниках», но фактически до революции каких-либо серьезных работ по их организации и устройству не проводилось [19. С. 6].

Подводя итоги рассмотрения законодательных мер, касающихся охотничьего промысла, нужно отметить, что за многовековую историю промысла в Сибири, имевшего важное значение как для государства, так и для населения, правительство не смогло обеспечить рационального использования промысловых охотничьих ресурсов страны. До 1892 г. в России не было общего закона, регулировавшего производство охоты, а если учесть, что закон 3 февраля 1892 г. на Сибирь не распространялся, то можно утверждать, что, за исключением закона 9 июня 1912 г. об охране соболя, никаких законодательных норм производства пушного промысла в регионе не существовало, что таило реальную опасность для естественных богатств края.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I (ПСЗ I). СПб., 1830. Т. XVI. № 11876.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Печатные записки. № 2727.
3. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 524. Л. 13.
4. ПСЗ I. Т. XXXVIII. № 29126.
5. Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. II.
6. Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1975.
7. Туркин Н.В. Охота и охотничье законодательство в 300-летний период царствования дома Романовых. М., 1913.
8. Туркин Н.В. Закон об охоте 3 февраля 1892 года. М., 1892.
9. Свод законов Российской империи. Т. XII. Ч. 2: Устав сельского хозяйства. СПб., 1893.
10. Свод законов Российской империи. Т. VIII. Ч. 1: Устав лесной. СПб., 1893.
11. РГИА. Ф. 390. Оп. 1. Д. 1. Л. 39.
12. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 417. Оп. 1. Д. 479. Л. 10.
13. РГИА. Ф. 390. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–2.
14. Труды по выработке законопроекта об охоте в связи с участием Императорского общества правильной охоты с приложением резолюций 2-го съезда охотников. М., 1911.
15. РГИА. Ф. 390. Оп. 1. Д. 39. Л. 7.
16. РГИА. Ф. 390. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.
17. РГИА. Ф. 390. Оп. 1. Д. 19.
18. РГИА. Ф. 390. Оп. 1. Д. 32. Л. 6.
19. Холостов В. Законоположения об охоте // Охота и охотничье хозяйство. 1858. № 3.
20. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 646. Оп. 1. Д. 37.
21. Ирбитский ярмарочный листок. 1910. № 18.
22. ГАСО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 38.
23. ГАТО. Ф. 3. Оп. 3 Д. 6633. Л. 4.
24. Торгово-промышленная газета. 1911. № 356.
25. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 4241. Л. 5.
26. РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 256. Л. 82.
27. РГИА. Печатные записки. № 1016.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 мая 2015 г.

## GOVERNMENT REGULATION OF HUNTING IN RUSSIA IN THE 17TH – EARLY 20TH CENTURIES

*Tomsk State University Journal*, 2015, 400, 152–156. DOI: 10.17223/15617793/400/25

**Startsev Alexander V.** Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (Barnaul, Russian Federation).

E-mail: astartsev@yandex.ru

**Keywords:** hunting; tribute paid off in furs; market hunting; fur trade.

The article considers the main stages of the state regulation of hunting in Russia in the 17th – early 20th centuries and their reflection in the legislation. The task of economic development and creation of the legal regulation mechanism of economic and social processes in the region faced Russian government after the accession of Siberia. In addition, the Siberian people were obliged to pay into the treasury a tribute paid off in furs. Therefore, the problem of rational use of fur resources of the region during the period in question was particularly important and became ever more relevant. Furs production increased steadily due to the population increase, commodity-money relationships development, fishing techniques improvement, on the one hand, and to the constantly increasing demand for fur goods from the domestic and foreign markets, on the other hand. However, uncontrolled hunting during many years carried out without regard to the natural reproduction of livestock of fur-bearing animals resulted in a reduction in the production of the most valuable furs. These circumstances forced the government to take certain measures aimed at the preservation of the fur resources and the regulation of food trade in hunting. The article analyzes legislative acts relating to hunting, primarily, the fur trade: the law of 1763 banning hunting, Statute on the Management of Foreigners of 1822, hunting law of February 3, 1892, act of 1912 on the prohibition of sable hunting. These laws and their enforcement are considered in the context of economic and social processes, observed in the indigenous peoples of Siberia, for whom hunting was one of the major economic activities and a source for tax payment – a tribute paid off in furs. On the basis of published sources and archival data, the author of the article goes into the particulars of the activities of the Special Commission for the Revision of the Law on Hunting which was comprised of both officials and well-known experts A. A. Silantyev, N. V. Turkin. The Commission attempted to create a unified law regulating both commercial hunting and sport hunting throughout the Empire. But it failed to create unified rules for the use of hunting resources in terms of the diversity of natural and climatic conditions of the country and different values of hunting for the economy of various population groups; and the draft law prepared by the Commission was not approved by the State Duma and was not realized in the pre-Soviet period.

## REFERENCES

1. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie I* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection I]. V. XVI. Is. 11876. St. Petersburg: tip. 2 Otd-niya Sobstv. e. i. v. kantselyarii.
2. Russian State Historical Archive (RGIA). *Pechatnye zapiski* [Printed notes]. No. 2727.
3. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1264. List 1. File 524. Page 13. (In Russian).
4. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie I* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection I]. V. XXXVIII. Is. 29126. St. Petersburg: tip. 2 Otd-niya Sobstv. e. i. v. kantselyarii.
5. Gagemeyer, Yu. A. (1854) *Statisticheskoe obozrenie Sibiri* [Statistical Review of Siberia]. Pt. 2. St. Petersburg.
6. Minenko, N. A. (1975) *Severo-Zapadnaya Sibir' v XVIII – pervoy polovine XIX v.* [Northwest Siberia in the 18th – first half of the 19th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
7. Turkin, N. V. (1913) *Okhota i okhotnich'e zakonodatel'stvo v 300-letniy period tsarstvovaniya doma Romanovykh* [Fishing and hunting legislation in the 300-year reign of the Romanov dynasty]. Moscow.
8. Turkin, N. V. (1892) *Zakon ob okhote 3 fevralya 1892 goda* [Law on Hunting. February 3, 1892]. Moscow: Tip. N. G. Voltchaninova.
9. Russian Empire (1893) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Laws of the Russian Empire]. V. XII. Pt. 2: *Ustav sel'skogo khozyaystva* [The Charter of Agriculture]. St. Petersburg.
10. Russian Empire (1893) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Laws of the Russian Empire]. V. VIII. Pt. 1: *Ustav lesnoy* [The Charter of Forest]. St. Petersburg, 1893.
11. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 390. List 1. File 1. Page 39. (In Russian).
12. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 417. List 1. File 479. Page 10. (In Russian).
13. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 390. List 1. File 27. Page 1–2. (In Russian).
14. Anon. (1911) *Trudy po vyработке zakonoproekta ob okhote v svyazi s uchastiem Imperatorskogo obshchestva pravil'noy okhoty s prilozheniem rezolyutsiy 2-go s"ezda okhotnikov* [Proceedings on the development of the draft law on hunting in connection with the participation of the Imperial Society of Correct Hunting with the application of the resolutions of the 2nd Congress of Hunters]. Moscow.
15. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 390. List 1. File 39. Page 7. (In Russian).
16. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 390. List 1. File 44. Page 1. (In Russian).
17. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 390. List 1. File 19. (In Russian).
18. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 390. List 1. File 32. Page 6. (In Russian).
19. Kholostov, V. (1858) *Zakonopolozheniya ob okhote* [The legal provisions on Hunting]. *Okhota i okhotnich'e khozyaystvo*. 3.
20. State Archive of Saratov Oblast (GASO). Fund 646. List 1. File 37. (In Russian).
21. *Irbitskiy yarmarochnyy listok*. (1910) 18.
22. State Archive of Saratov Oblast (GASO). Fund 646. List 1. File 38. (In Russian).
23. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 3. File 6633. Page 4. (In Russian).
24. *Torgovo-promyshlennaya gazeta*. (1911) 356.
25. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 4. List 1. File 4241. Page 5. (In Russian).
26. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 398. List 75. File 256. Page 82. (In Russian).
27. Russian State Historical Archive (RGIA). *Pechatnye zapiski* [Printed Notes]. No. 1016.

Received: 25 May 2015